

Б. Н. Миронов*

«САМОДЕРЖАВИЕ ЕСТЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
СО ВСЕМИ ЕЕ БЕДСТВИЯМИ»: БОРЬБА
ОБЩЕСТВЕННОСТИ С МОНАРХИЕЙ

ОБЪЕКТИВНЫЙ НАУЧНЫЙ анализ показывает, что в пореформенное время российские экономика, общество и государственность успешно развивались. В частности, валовой национальный продукт на душу населения, продолжительность жизни и грамотность увеличивались, жизненный уровень повышался. С 1990 г. Организация Объединенных Наций для оценки уровня жизни населения использует так называемый *индекс человеческого развития* (ИЧР). Он включает три частных индекса, или показателя: индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении (x), индекс образования (процент грамотности или доля детей школьного возраста, посещающих школу, или среднее число лет обучения взрослого человека) (y) и индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения) (z). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому и соответственно тоже находится в интервале от 0 до 1. Индекс со значением от 0,8 и выше считается высоким, от 0,5 до 0,8 – средним и менее 0,5 – низким. На рубеже XX–XXI вв. в промышленно развитых странах ИЧР был равен 0,92, в развивающихся странах – 0,64, в странах Восточной Европы – 0,76, в мире в целом – 0,701, в России – по разным оценкам от 0,688 до 0,747 (а накануне распада СССР, в 1990–1991 гг., – 0,848)¹. Исходные данные для расчета индексов в 1851–1914 гг. представлены в табл. 1. Как видим, индекс человеческого развития после Великих реформ существенно увеличился – со 0,188 до 0,325, хотя все еще оставался очень низким – в два раза ниже, чем в современных развивающихся странах.

В пореформенное время Россия несомненно испытывала интенсивный экономический рост, который благотворно сказывался на благосостоянии ее населения. Темпы развития в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на душу населения – в 1,63 раза. Душевой прирост объема производства составлял 85 % от среднеевропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных» – валовой национальный продукт увеличивался на 3,3 % ежегодно. Из великих держав только

* *Миронов Борис Николаевич*, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории РАН (Санкт-Петербург).

¹ *Симчера В. М.* Развитие экономики России за 100 лет, 1900–2000: Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 72. См. также: Основы изучения человеческого развития / Баркалов Н. Б., Иванов С. Ф. (ред.). М., 1998; *Ельмеев В. Я.* Индекс человеческого развития как методологический инструмент сравнительного социального анализа // *Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований*. СПб., 2001. С. 40–57; *Саградов А. А.* Народонаселение и устойчивое развитие. М., 1998; *Он же.* Россия и индекс человеческого развития // *Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*. Февраль 2000. № 43.

в США они были выше – 3,5 %². При этом индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства, значит, происходила не за его счет, как полагают многие исследователи³. Успешно развивалась не только промышленность, но и сельское хозяйство, которое, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало так же быстро, как в целом в Европе. Столыпинская реформа, устраняя эти помехи, создавала самые благоприятные условия для ускорения аграрного развития, поскольку для этого имелись главные предпосылки – экономика России стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов.

Таблица 1

**Население, рост мужчин в годы рождения
и индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг.**

Годы	Население, млн	Валовой внутренний продукт на д.н.*		Грамотность обоого пола		Средняя продолжительность жизни		Индекс человеческого развития	Рост мужчин, см
		Дол.	Индекс	%	Индекс	Лет	Индекс		
1851–1860	73,5	701,0	0,381	14,8	0,148	27,1	0,035	0,188	164,5
1861–1870	78,4	675,9	0,374	17,2	0,172	27,9	0,048	0,198	164,1
1871–1880	91,7	666,4	0,372	20,1	0,201	28,8	0,063	0,212	166,5
1881–1890	110,6	679,9	0,375	23,4	0,234	29,7	0,078	0,229	167,3
1891–1900	125,8	790,7	0,402	28,9	0,289	31,2	0,103	0,264	166,7
1901–1910	147,6	928,1	0,430	34,7	0,347	32,9	0,132	0,303	167,4
1911–1914	171,3	981,6	0,440	39,6	0,396	33,5**	0,141	0,325	168,9

* В долларах США 1989 г.

** 1904–1913 гг.

Подсчитано по: Воспроизводство населения СССР / А. Г. Вишневский, А. Г. Волков (ред.). М., 1983. С. 61; *Миронов Б. Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82, 146; *Он же.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // ОИ. 1994. № 4–5. С. 111–125; *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 22, 232–237.

Отметим, что не только социально-экономическое, но и политическое развитие страны после Великих реформ было достаточно успешным. Российское об-

² *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 61–62.

³ *Миронов Б. Н.* Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник, 2001. М., 2002. С. 418–427.

щество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии и в 1905 г. стало таковым. Был создан механизм принятия политических решений, в котором участвовали представители общества, функционировала свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи общественных организаций – налицо были все элементы гражданского общества⁴. Через одно-два поколения они вошли бы в плоть и кровь общественной жизни, и демократический режим стал бы необратимым.

Социально-экономический и политический режим, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. и реформы 1905 г., в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, гражданское общество и сильное правовое государство (существовавшее пока только де-юре), обеспечивал хорошие возможности для успешного развития России. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале 1990-х гг. этот режим пришлось реставрировать, после 74-летнего зигзага, вызванного Октябрьской революцией 1917 г.

Между тем в конце XIX – начале XX в. общественность в массе своей была искренне убеждена, что страна находится в состоянии перманентного кризиса, что положение народа ухудшается, поскольку просто не допускала мысли, что при самодержавии возможен какой-либо прогресс, а только ожидала от него, как говорил П. Н. Милюков в Государственной думе в 1916 г., либо глупости, либо измены. В конце XIX в., по мнению С. И. Шидловского, впоследствии видного октябриста, «между правительством и обществом произошел конфликт, ставящий обе стороны в положение воюющих, <...> вся жизнь страны приняла характер упорной борьбы между двумя сторонами»⁵. Еще в 1903 г. журнал «Освобождение» (орган российских либералов) прямо заявил, что «самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»⁶. А на войне как на войне, все средства для победы хороши⁷. И наивно было бы ожидать, что элита либерально-демократической общественности ради достижения своих бесспорно благородных целей – ради установления демократического строя, гражданского общества и правового государства – не использовала всех доступных средств, включая манипуляцию массовым сознанием, дезинформацию, прессинг колеблющихся, PR-кампании, которые использовали ее идейные противники. Даже террор против самодержавия поддерживался либералами⁸. «Мы не принадлежим к числу людей, из лицемерия или недомыслия клеймящих событие 1-го марта (убийство Александра II. – Б. М.) и позорящих его виновников. Мы не боимся открыто сказать то, что втайне известно всей искренней и мыслящей России, а именно, что деятели 1-го марта принадлежат к лучшим русским людям»⁹. При этом либералы через свой журнал откровенно подталкивали молодежь к террористической деятельности против правительства, прославляя активистов террора, указывая на его неизбежность и целесообразность: «Нужно, наконец, сказать во всеуслышание, с торжественной отчетливостью, что весь ужас, весь исторический трагизм, все значение политических убийств, совершенных и свершаемых русскими револю-

⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. Т. 2. С. 257–270.

⁵ Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 5–6, 8.

⁶ Освобождение. 1903. № 23. С. 409.

⁷ Там же. № 13. С. 207–208.

⁸ Там же. № 20/21. С. 361; № 23. С. 409–411.

⁹ Литература «всеподданнейших увещаний» // Освобождение. 1903. № 20/21. С. 361 (статья публиковалась от редакции журнала).

ционерами, состоит в том, что убийцами являются *лучшие люди нации, носители высочайших нравственных качеств и чрезвычайных умственных дарований*. <...> Политические убийства – зло, с полной неизбежностью вытекающее из самодержавия. Самодержавия нельзя мирно поддерживать в нашей стране: самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями. Вот о чем должна была бы говорить наша печать. Безустанно она должна повторять обществу и правительству: вы не хотите политических убийств и революционных насилий, так покончите же скорее с их источником – самодержавием. <...> Разве не есть гражданская война та настойчивая борьба, которую самодержавное правительство всеми средствами ведет с деятельностью, направленной на постепенное изменение русского государственного строя мирными и большей частью даже формально легальными действиями? <...> Самодержавие всей своей политикой заявляет, что оно склонится только перед физическим насилием революции. Абсолютно-реакционное, оно само воспитывает страну к революции»¹⁰.

На наш взгляд, основная причина конфликта общественности и государства, приведшего в конечном итоге к революциям 1905 г. и 1917 г. заключалась в борьбе за власть: лидеры либерально-радикальной общественности хотели сами руководить реформационным процессом, который непрерывно проходил в России в период империи, и на революционной волне отнять власть у бюрократии¹¹. Желание общественности ограничить власть государства и монарха представляется совершенно логичным, потому что в пореформенное время в России быстрыми темпами развивалось гражданское общество. Уже на рубеже XIX–XX вв. возникли многие из его элементов: масса добровольных общественных организаций, критически мыслящая общественность, общественное мнение, с которым считалась государственная власть. После 1905 г. появились свободная пресса, политические партии и т. п. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением в виде законодательных учреждений и прессы¹². В политической борьбе за влияние над избирателями демократическая и либеральная оппозиция, как и ее оппоненты из правительственного лагеря, а после 1905 г. – из проправительственных партий, использовала все доступные средства, что является нормой политической борьбы во всех демократических странах. В частности, кризисный, упадочный имидж России в конце XIX – начале XX в. создавался кадетской, эсеровской и социал-демократической партиями намеренно, в борьбе за власть, с целью дискредитации своих политических противников. Парадигма кризиса и пауперизации использовалась для пропаганды идей революции и осуждения монархии. В последнее время этот факт неоднократно отмечался исследователями¹³.

¹⁰ Кто притупляет общественное сознание? // Освобождение. № 23. 1903. С. 409–411 (редакционная статья).

¹¹ Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11: Смена парадигм: Современная русистика. СПб., 2007. С. 117–185.

¹² Мironov Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 261–270; Туманова А. А. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; Bradley J. Russian Voluntary Associations: Science, Patriotism and civil Society in Imperial Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.

¹³ См., например: Думный В. В. Люди будущего или люди без будущего? Социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2003. С. 359–362.

В монографии М. Д. Давыдова приведено немало фактов сознательной и бессознательной подтасовки фактов относительно положения крестьянства. В частности, автор приводит факты, показывающие, что А. И. Шингарев в своей прогремевшей на всю страну в 1907 г. работе «Вымирающая деревня» (СПб., 1907)¹⁴ сильно сгустил краски, что разговоры о страданиях народа как факте повседневной жизни носили спекулятивный характер, что ученые заигрывали с оппозиционным по отношению к монархии общественным мнением в ущерб научному анализу современной экономической ситуации, что тезис о «голодном экспорте» не выдерживает научной критики¹⁵. С конца XIX в. либерально-демократическая общественность не пропускала ни одного случая, чтобы продемонстрировать несостоятельность своих политических противников и мобилизовать своих сторонников. Пример этого дает мощная общественная кампания, сопровождавшая неурожай и голод 1891–1892 гг. Огромные бедствия от неурожая общественность приписывала исключительно аграрной политике правительства и его неспособности организовать надлежащую помощь неурожайным губерниям. Последствия были действительно тяжелыми. Пострадали 21 из 50 губерний Европейской России, в том числе 10 – сильно¹⁶. Сбор хлебов в 1891 г. был на 29 % ниже многолетней нормы¹⁷. Положение усугублялось тем, что в 1891–1892 гг., как всегда во время неурожая, понизилась зарплата, уменьшились все доходы земледельцев и выросли цены¹⁸. Несмотря на меры помощи, принятые правительством¹⁹ и общественностью²⁰, неурожай, как утверждалось в прессе, породил голод миллионов крестьян, от которого умерло до 500 тыс. человек (весь прирост смертности в 1892 г. сравнительно с 1891 г. был отнесен на счет неурожая)²¹.

Но в 1801–1891 гг. было 18 лет с урожайностью ниже, чем в 1891 г.: 1801, 1805, 1811, 1815, 1821, 1822, 1823, 1830, 1831, 1832, 1833, 1839, 1848, 1850, 1855, 1859, 1865, 1867 гг., причем все эти годы приходились на дореформенное время

¹⁴ На это же указывала и американская исследовательница Е. М. Уилбур: *Wilbur E. M. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century* // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800–1921* / E. Kingston-Mann, T. Mixter (eds). Princeton, NJ, 1991. P. 101–127.

¹⁵ Давыдов М. А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX – начале XIX в. // *Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 243–286; Он же. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. М., 2003. С. 181–237.*

¹⁶ Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // *Влияние неурожая на народное хозяйство России* / В. Г. Громан (ред.). Л., 1927. Ч. 1. С. 33.

¹⁷ Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур. С. 2–3, 32–33.

¹⁸ Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет, 1883–1923 гг. // *Влияние неурожая на народное хозяйство России* / В. Г. Громан (ред.). М., 1927. С. 167–178.

¹⁹ Бечаснов П. Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891–92 гг. (Временник ЦСК МВД. 1894. № 28); Материалы по продовольственному вопросу. Отд. 3. Материалы для обзора деятельности местных учреждений по поводу неурожая 1891 г. (Сборник Саратовского земства. 1891, II); Сазонов Г. П. Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865–1892): В 2 т. СПб., 1893.

²⁰ Короленко В. Г. В голодный год: Наблюдения, размышления и заметки. 3-е изд. СПб., 1897; Толстой Л. Н. О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. М., 1892.

²¹ Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет, 1883–1923 гг. С. 177–178.

и 1860-е гг.; после эмансипации урожаи ни разу не опускались ниже сам-3 – уровня, который признавался современниками как неурожайный (см. табл. 2 и рис. 1).

Таблица 2

Урожай зерновых в России в 1801–1914 г. (в самах)

Год	Сам	Год	Сам	Год	Сам	Год	Сам	Год	Сам	Год	Сам
1801	3,04	1821	3,25	1841	3,40	1861	3,51	1881	4,73	1901	4,08
1802	3,40	1822	3,10	1842	4,39	1862	3,57	1882	4,31	1902	5,77
1803	3,65	1823	2,90	1843	4,36	1863	4,26	1883	4,04	1903	5,20
1804	4,04	1824	3,50	1844	3,81	1864	3,28	1884	4,30	1904	6,13
1805	3,20	1825	3,50	1845	3,42	1865	3,01	1885	3,65	1905	4,86
1806	3,47	1826	3,67	1846	3,38	1866	3,84	1886	4,28	1906	4,05
1807	3,73	1827	3,61	1847	3,60	1867	3,10	1887	4,87	1907	4,80
1808	3,89	1828	3,90	1848	2,72	1868	3,75	1888	4,69	1908	5,04
1809	3,33	1829	3,75	1849	4,03	1869	4,06	1889	3,65	1909	6,33
1810	3,40	1830	2,91	1850	2,84	1870	4,59	1890	4,14	1910	5,87
1811	2,85	1831	3,20	1851	4,00	1871	3,52	1891	3,26	1911	4,17
1812	3,40	1832	2,80	1852	3,83	1872	3,88	1892	4,00	1912	6,24
1813	3,43	1833	2,38	1853	3,61	1873	3,94	1893	5,63	1913	6,75
1814	4,00	1834	3,62	1854	3,51	1874	4,34	1894	5,64	1914	5,06
1815	3,10	1835	3,92	1855	2,60	1875	3,34	1895	5,04		
1816	3,40	1836	4,10	1856	3,26	1876	3,85	1896	5,04		
1817	3,70	1837	3,98	1857	3,95	1877	4,26	1897	4,12		
1818	4,10	1838	3,93	1858	4,08	1878	4,49	1898	4,76		
1819	4,00	1839	2,67	1859	2,87	1879	3,78	1899	5,04		
1820	3,40	1840	3,82	1860	3,78	1880	3,65	1900	5,01		
В среднем	3,53		3,43		3,57		3,80		4,51		5,31

* Михайловский В. Г. Урожай в России 1901–1914 гг. // Бюллетень Центрального статистического управления. 1921. № 50.

По демографическим показателям 1891–1892 гг. были плохими, но таких лет в дореформенное время было много²², а в пореформенное – два²³ (см. табл. 3 и рис. 2).

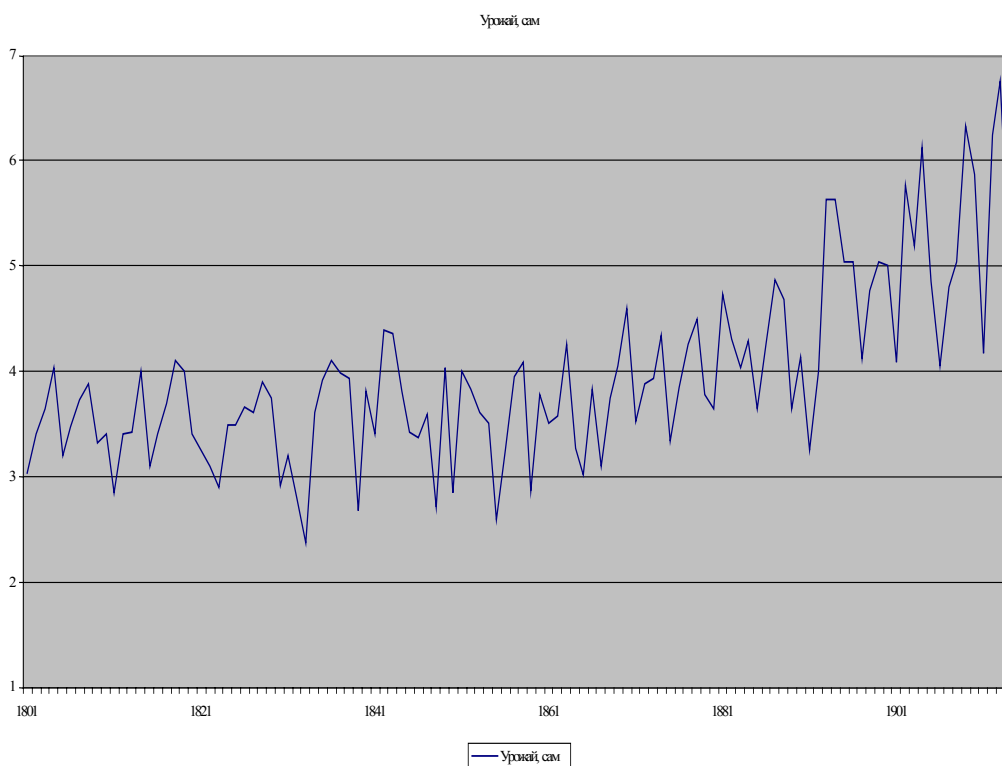
Как известно, неурожай сильнее всего сказывается на демографических процессах на следующий год. Смертность в 1892 г. (41 ‰) была высокой – на 4 ‰

²² Покровский В. И. Влияние урожаев и хлебных цен на естественное движение населения // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Чупров А. И., Постников А. С. (ред.). СПб., 1897. Т. 2. С. 182; Бессер А., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. СПб., 1897. С. 78, 82.

²³ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. СПб., 1916. С. 36–37.

больше, чем в 1891 г., но не максимальной за весь XIX в.; рождаемость - на 4.6% ниже, чем в 1891 г., но все равно очень высокой - 50.6‰. Как ни парадоксально, брачность в 1892 г. была на 0.3‰ выше, чем в 1891 г. В течение XIX в. было много лет с более низкой рождаемостью и брачностью, чем в 1891 г. Что касается смертности, то в дореформенное время было много лет с такой же или более высокой смертностью²⁴, а за 1867-1890 гг. - лишь два года²⁵.

Рис. 1.
Урожай в России в 1801–1914 г., сам

Несомненно неурожай 1891 г. был самым серьезным испытанием за весь XIX в., но все же пресса игнорировала позитивную динамику урожайности и смертности в пореформенное время, недооценила деятельность коронной администрации и явно педалировала тезис о его феноменально тяжелых последствиях как результате антикрестьянской аграрной политики²⁶.

²⁴ Покровский В. И. Влияние урожаев и хлебных цен на естественное движение населения. С. 182; Бессер А., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. С. 98.

²⁵ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. С. 36–37.

²⁶ Материалы по продовольственному вопросу. Отд. 4. Взгляды текущей литературы по поводу неурожая 1891 г. (Сборник Саратовского земства. 1892, I).

Таблица 3

**Брачность, рождаемость, смертность и естественный прирост
православного населения 50 губерний Европейской России в 1867–1913 гг.**

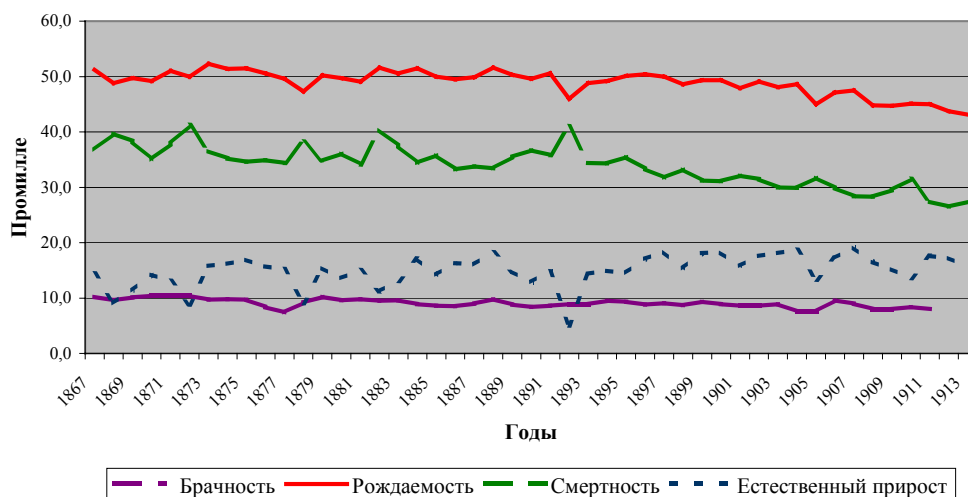
Год	Брач- ность	Рожда- емость	Смерт- ность	Естественный прирост	Год	Брач- ность	Рожда- емость	Смерт- ность	Естественный прирост
1867	10,2	51,2	36,8	14,4	1891	8,6	50,6	35,8	14,8
1868	9,6	48,8	39,7	9,1	1892	8,9	46,0	41,0	5,0
1869	10,1	49,7	38,3	11,4	1893	8,9	48,8	34,4	14,4
1870	10,4	49,2	35,0	14,2	1894	9,5	49,2	34,3	14,9
1871	10,4	51,0	37,9	13,1	1895	9,3	50,1	35,5	14,6
1872	10,4	50,0	41,2	8,8	1896	8,8	50,4	33,3	17,1
1873	9,7	52,3	36,5	15,8	1897	9,1	50,0	31,7	18,3
1874	9,8	51,4	35,2	16,2	1898	8,7	48,6	33,2	15,4
1875	9,7	51,5	34,6	16,9	1899	9,3	49,3	31,2	18,1
1876	8,4	50,6	34,9	15,7	1900	8,9	49,3	31,1	18,2
1877	7,4	49,6	34,4	15,2	1901	8,6	47,9	32,1	15,8
1878	9,2	47,3	38,2	9,1	1902	8,6	49,1	31,5	17,6
1879	10,2	50,2	34,8	15,4	1903	8,9	48,1	30,0	18,1
1880	9,6	49,7	36,1	13,6	1904	7,6	48,6	29,9	18,7
1881	9,8	49,1	34,1	15,0	1905	7,6	45,0	31,7	13,3
1882	9,5	51,6	40,4	11,2	1906	9,6	47,1	29,9	17,2
1883	9,6	50,6	37,5	13,1	1907	9,0	47,5	28,4	19,1
1884	8,9	51,5	34,4	17,1	1908	8,0	44,8	28,3	16,5
1885	8,6	50,0	35,8	14,2	1909	8,0	44,7	29,5	15,2
1886	8,5	49,5	33,2	16,3	1910	8,4	45,1	31,5	13,6
1887	9,0	49,9	33,8	16,1	1911	8,0	45,0	27,4	17,6
1888	9,8	51,6	33,4	18,2	1912		43,7	26,5	17,2
1889	8,8	50,3	35,5	14,8	1913		43,1	27,4	15,7
1890	8,4	49,6	36,7	12,9					

Составлено по: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. СПб., 1916. С. 36–37.

Между тем исследование действий всех уровней государственного аппарата во время голода, предпринятое Р. Роббинсом, должно было бы сломать сложившийся в историографии стереотип, что в борьбе с голодом правительство оказалось полностью несостоятельным, и именно общество, несмотря на противодействие бюрократии, сумело помочь крестьянам. Изучение реализации правительственных программ помощи голодающим привело автора к неожиданному заключению: государственная кампания по борьбе с голодом по своей эффективности оказалась вполне сопоставимой с достаточно успешными действиями британской администрации в Индии и Ирландии несколько лет спустя и даже превосходила их по некоторым показателям. Кампания 1891–1892 гг. была круп-

нейшей в истории России, она представляла собой комплекс мероприятий, включавший в себя не только распределение продовольствия, но и снижение железнодорожных тарифов, программу общественных работ, помощь крестьянским хозяйствам семенным зерном и пр. Роббинс не отрицает колоссальной работы земств по борьбе с голодом, однако указывает, что в этот момент земства действовали как государственные, а не общественные организации, они выполняли предписания центральной власти и финансировались ею. По его мнению, в целом правительство сумело справиться с проблемами неурожая, режим доказал свою жизнеспособность и обнаружил серьезные резервы для собственного усиления. Важнейшим уроком, который преподавал голод 1891–1892 гг., была необходимость плодотворного сотрудничества государства и общества, однако этот урок, по мнению автора, был очень быстро забыт обеими противостоящими сторонами²⁷. Коронная бюрократия обвинила земства в расточительности и преувеличении масштабов бедствия в 1891–1892 гг. и в 1900 г. отстранила их от заведования продовольственным делом²⁸. Земства обвиняли правительство в неспособности решить продовольственный вопрос.

Рис. 2.
Демографические процессы в Европейской России в 1867–1913 гг.

Опыт антиправительственной кампании 1891–1892 гг. был взят оппозиционной общественностью на вооружение и использовался в дальнейшем, например в 1906–1907 гг., когда произошел очередной недород 1906 г. Известный ученый и крупный чиновник, занимавший ответственные посты, в том числе Управляюще-

²⁷ Robbins R.G., jr. *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*. N.Y., 1975. Другой зарубежный автор считает, что царское правительство более эффективно боролось с голодом 1891–1892 гг., чем советское правительство с голодом 1947 г.: Ellman M. *The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines* // Cambridge Journal of Economics. September, 2000; Элман М. Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы «доступа к продовольствию» // Экономическая история. Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 320–363.

²⁸ Земское самоуправление в России: 1864–1918. Кн. 1. 1864–1904 / Н. Г. Королева (ред.). С. 284.

го министерства государственных имуществ, А. С. Ермолов продемонстрировал, как пресса в 1906–1907 гг. раздувала проблему неурожая и преувеличивала его последствия с целью опорочить правительственную продовольственную помощь: печатались непроверенные слухи об убийстве и самоубийстве детей из-за голода, о торговле крестьянскими женщинами своими волосами, чтобы купить голодающим детям хлеб, о продаже казанскими татарами своих дочерей на Северный Кавказ, чтобы избавить их и себя от мук голодной смерти и т.п. «Нужда была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания, и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов – обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать»²⁹.

Современник и крупный экономист Н. П. Макаров констатировал в 1918 г.: «Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление – вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно – так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о “прогрессивных течениях” русской деревне звучал каким-то диссонансом в этом настроении; “надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях” – почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»³⁰.

Отдадим должное лидерам либералов – они прекрасно сознавали силу общественного мнения и умело им пользовались: *«И в самодержавной России почти всегда решающее значение в историческом ходе вещей принадлежало общественному мнению»* (курсив мой. – Б. М.). Общественное мнение расшатало самодержавие Годунова и “смута”, т.е. то же общественное мнение, возвела на престол Романовых. Общественное мнение в XVIII веке низвергло немецких временщиков и возносило русских; общественное мнение низложило глупого немца Петра III и возвело на престол умную немку Екатерину II; общественное мнение одобрило ссылку Сперанского и не поддержало декабристов; общественное мнение дало могущественную опору реформам Александра II; общественное мнение вознесло Каткова в 1863–64 г. и низложило Дмитрия Толстого в 1880 г.; общественное мнение объявило в 1877 г. войну Турции. <...> Ни Александр III, ни граф Дмитрий Толстой не были чудотворцами реакции 80-х годов. Реакцию эту создало само общественное мнение, когда ему бросилась в голову кровь Александра II. <...> И мы не видим, почему общественное мнение России XX века станет поддерживать самодержавие петербургских министров»³¹. Либералы не упускали ни одного случая, открывающего возможность обострить или создать конфликт между органами общественной самодеятельности и монархическим режимом³². Если бы либерально-радикальная общественность этого не делала, то она бы не выиграла информационную войну у правительства и благодаря этому не смогла бы захватить власть.

²⁹ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 1. С. 408–417.

³⁰ Макаров Н. П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918. С. 16.

³¹ Освобождение. 18 апреля 1903 г. № 20/21. С. 347 (Редакционная статья).

³² Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 365.